

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 4, 2020

Москва
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

ЭКОНОМИКА

Волкова С. Л.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТУРЦИИ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ 8-го И 9-го ПЛАНОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (2002-2013 гг.)	8
---	---

Гаджиев А. Г.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕС ПОСЛЕ СМЕНЫ РУКОВОДСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 1 ДЕКАБРЯ 2019 г.	24
---	----

Ледовская О. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯПОНО-ТУРЕЦКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	47
--	----

Свистунова И. А.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА.....	63
--	----

Симонов Д. К.

ВКЛАД ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ТУРЦИИ В РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	80
--	----

Ульченко Н. Ю.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ: «НЕИСЛАМСКИЙ» АСПЕКТ	90
---	----

ПОЛИТИКА

Болдырев А. В.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ТУРЕЦКИХ ВМС В 1991-2019 гг.....	105
---	-----

Вертяев К. В.

СЕВЕРНЫЙ ИРАК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТУРГУТА ОЗАЛА (1989-1993).....	114
---	-----

<i>Иванова И. И., Горбунова Н. М.</i> ТУРЦИЯ И ЛИВАН В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И КОНФЛИКТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.....	134
---	-----

<i>Графов Д. Б.</i> ЛОББИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ТУРЦИИ В США ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА	154
---	-----

<i>Иванова И. И.</i> ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ В XXI в.	182
---	-----

<i>Корочкина В. А.</i> ИЗРАИЛЬСКИЕ ЭКСПЕРТЫ О МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ТУРЦИИ И ИЗРАИЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	207
---	-----

<i>Пойя Самеулла</i> АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ США И АФГАНИСТАНА. ПЕРСПЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВА АФГАНИСТАНА С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ.....	227
--	-----

<i>Цибенко В. В.</i> КОНКУРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ТУРЦИИ: ПРИМЕР ЧЕРКЕСОВ И КРЫМСКИХ ТАТАР.....	237
--	-----

<i>Саетов И. Г.</i> ПОПУЛЯРНОСТЬ ТУРЕЦКИХ СЕРИАЛОВ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ	249
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лебедева Н. Б.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.П. КАШИНА «НАРЕНДРА МОДИ. ЛИДЕР СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ» М.: АО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ИКАР», 2020. – 260 с.	258
--	-----

Иванова И. И.*

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ В XXI в.

Ivanova Inessa**

THE DYNAMICS OF TURKISH IRANIAN RELATIONS IN THE XXI CENTURY

DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-182-206

Аннотация: Турецко-иранские отношения в период правления Партии справедливости и развития прошли несколько этапов развития, и влияние на эти этапы оказали как основные факторы ситуации в регионе, так и непосредственное взаимодействие двух стран в политической и экономической сферах. Среди данных факторов можно отметить события Арабской весны, а также ситуацию в Сирии. В целом, в отношениях двух стран будет сохраняться стратегия балансирования между общими задачами и целями каждой из сторон, т. е. будет выражена готовность к сотрудничеству там, где интересы пересекаются.

Ключевые слова: Турция, Иран, Сирия, Арабская весна, Ближний Восток, Астанинский процесс.

Abstract: Turkish Iranian relations in the period of Justice and Development Party passed several stages of development and these stages were influenced as by the cardinal factors of situation in the region as by direct interaction of two states in economic and political spheres. Among these factors we can note the events of the Arab Spring and also the situation in Syria. In general in the relations of two countries the strategy of balance among common aims and purposes of each of the parties will be preserved that is where the interests are crossing the readiness for cooperation will be manifested.

Key words: Turkey, Iran, Syria, Arab Spring, Middle East, Astana process.

Турецко-иранские отношения после смены режима в Иране в 1979 г. были достаточно напряженными. Турция опасалась экспорта исламской революции, о чем открыто говорили иранские лидеры; взаимное соперничество в Центральной Азии и на Кавказе за сферы влияния после распада СССР также не добавляло позитива в эти отношения¹.

После прихода в 2002 г. к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) отношения между Турцией и Ираном начали приобретать новое содержание. Помимо того, что Ирану импонировала турецкая происламская партия, улучшению отношений способствовало появление новых вызовов и угроз безопасности обеих стран.

* Иванова Инесса Ильинична – к.и.н., доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (У) старший научный сотрудник ИВ РАН; e-mail: iniv2016@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-3696-2290

** Ivanova Inessa – Ph. D. (History), Senior Researcher of IOS RAS; e-mail: iniv2016@mail.ru.

Турецко-иранские отношения в период правления ПСР прошли несколько этапов развития, и влияние на эти этапы оказывали как основные факторы развития ситуации в регионе, так непосредственное взаимодействие двух стран в политической и экономической сферах.

В январе 2003 г. в разгар подготовки Вашингтона к силовой акции против Багдада, Анкара выступила с заявлениями о необходимости при осуществлении любых действий против режима Саддама Хусейна руководствоваться исключительно решениями Совбеза ООН и развернула активную челночную дипломатию в регионе, целью которой являлось урегулирование иракской проблемы политическими средствами. В орбиту челночной дипломатии были включены Сирия, Иордания, Египет, Саудовская Аравия, Ирак, а также Иран. На уровне министров иностранных дел прошел ряд встреч, посвященных совместному решению иракской проблемы.

Вашингтон не придал тогда значения связям соседей Ирака в этом формате, а ведь именно в нем наиболее активной была ось Анкара – Тегеран, которая в последующие два года переросла в действующий «треугольник»: Анкара – Тегеран – Дамаск. *Именно в этот период заметно возросли турецко-иранские и турецко-сирийские контакты, иракская тематика обсуждалась на уровне руководителей министерств и ведомств.*

Сотрудничество Турции с Ираном развивалось и в связи с вопросами взаимной безопасности. Во время визита турецкого премьер-министра Т. Эрдогана в Тегеран в июле 2004 г. стороны подписали соглашение о сотрудничестве, в котором было дано определение Рабочей партии Курдистана (РПК) как террористической организации², и с этого времени обе страны активизировали сотрудничество по защите границ. В мае 2006 г. состоялся рабочий визит в Турцию Генерального секретаря Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Лариджани. Он провел в Анкаре переговоры со своим турецким коллегой генеральным секретарем Совета Национальной безопасности Турции И. Альпдоганом, министром иностранных дел А. Гюлем и главой правительства Т. Эрдоганом, в ходе которых стороны договорились наращивать взаимодействие по ликвидации лагерей и баз РПК³.

В апреле-мае 2006 г. Тегеран провел ряд успешных военных операций по уничтожению боевиков иранского филиала РПК, их баз, в том числе на территории Северного Ирака и выдал турецкой стороне несколько арестованных функционеров этой организации⁴.

Турецко-иранский политический диалог подкреплялся и развивающимися, хотя и при наличии ряда проблем, торгово-экономическими связями, а также сотрудничеством в области энергетики. Объем торговли между двумя странами составлял на 2007 г. 4,5 млрд долларов. В Иране действовало свыше 40 турецких фирм, причем привлекательность иранского рынка для турецких инвесторов возрастала. Иран являлся вторым после России поставщиком в Турцию природного газа, и предполагалось увеличение его поставок с 6,7 млрд кубометров в 2005 до 9,6 млрд в 2010 г.⁵

В ноябре 2007 г. Турция и Иран заключили в Анкаре Соглашение о сотрудничестве в сфере электроэнергетики. С турецкой стороны соглашение подписал министр энергетики и природных ресурсов Х. Гюлер, с иранской – министр энергетики П. Феттах. Это соглашение предусматривало совместное строительство и эксплуатацию трех теплоэлектростанций (две в Иране, одна в Турции) и одной гидроэлектростанции на иранской территории. Кроме того, предусматривалась модернизация высоковольтных линий электропередач, связывающие два государства⁶.

Вашингтон немедленно и жестко отреагировал на подписание этого документа. Представитель по печати посольства США в Турции К. Сэллоу заявила, что Иран не должен быть задействован в политике Турции по диверсификации источников поступления в страну энергоресурсов и их транспортировки на Запад. Тегеран не сотрудничает с Совбезом ООН и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) и не выполняет их решения. «В данной ситуации мы против всяческого сотрудничества с Ираном, тем более в сфере энергетики», – констатировала К. Сэллоу. Официальная Анкара в ответ на негативную реакцию США заявила, что «Турция ни у кого не обязана спрашивать разрешение на выгодные с точки зрения своих национальных интересов действия». А сотрудничество с Ираном в газовой сфере выгодно и Турции, и Европе. В турецких политических и дипломатических кругах, в связи с ситуацией с подписанием турецко-иранского соглашения о сотрудничестве в энергетике, доминировало мнение о провале попыток Вашингтона «заморозить» отношения Анкары и Тегерана⁷.

Тегеран, «цементируя» отношения с Турцией своей позицией по курдскому вопросу, рассчитывал на поддержку Анкары по вопросу об иранском ядерном досье и Ирана, в целом. Со своей стороны, Анкара поддерживала право Ирана на мирное использование ядерной энергии, призывая при этом Тегеран быть максимально открытым в отношениях с МАГАТЭ.

Таким образом, если США считали, что Иран продолжает разрабатывать ядерную программу и требовали ужесточения против него санкций, то Турция, которая, хотя и испытывала известную озабоченность в отношении иранской ядерной программы, была сторонницей устранения конфликта дипломатическими методами⁸. В связи с этим турецкий политолог А. Биранд отмечал, что в иранском конфликте Турция «фактически участвует в отношениях между США и ЕС, с одной стороны, и с Ираном, с другой, претендуя на роль неофициального посредника»⁹.

По словам бывшего сотрудника турецкого отдела госдепартамента США, а позже исследователя Принстонского университета Дж. Волкера, «правительство Эрдогана пытается сохранить устойчивый баланс между политикой США в отношении Ирана и развитием экономических и политических связей со своим крупнейшим и наиболее сильным ближневосточным соседом. Сам Эрдоган постоянно говорит о необходимости для Турции иметь хорошие отношения с Ираном, тем самым ослабляя международную озабоченность

по ядерной программе Ирана и срывая попытки Вашингтона оказать объединенное давление на эту страну. Учитывая добрососедскую атмосферу в турецко-иранских отношениях, может быть, пришло время для Вашингтона и Брюсселя начать рассматривать Анкару как посредника для налаживания диалога с Ираном. Турция могла бы стать идеальным кандидатом на эту роль»¹⁰.

С 2009 г. наступает важный период с точки зрения углубления турецко-иранских отношений. Для Турции, цель которой – стать крупнейшим энерготранспортным узлом региона, Иран имеет особенно важное значение. Это государство обладает огромными запасами углеводородов и в будущем может стать важным поставщиком газа в ЕС, выходом Турции в Центральную Азию через Иран также безопаснее, чем через Грузию. В свою очередь значение Турции для Ирана также существенно, т.к. основной маршрут для доставки иранского газа на рынок ЕС пролегает по турецкой территории. Углубление отношений между Турцией и Ираном в 2009 г. было подкреплено и взаимными визитами на высшем уровне, в ходе которых выражалась «взаимная политическая воля способствовать развитию дружбы и братства». При этом неизменно отмечалось значение и влияние Турции и Ирана в регионе и на международной арене и подчеркивалась важность вклада, который обе страны могут внести для укрепления мира и стабильности в регионе.

Турецкими и иранскими официальными лицами обсуждались также вопросы дальнейшего развития торгово-экономических связей, и был подписан ряд соглашений по их расширению¹¹. Обмен визитами начался с начала 2009 г. Уже в январе Турцию посетили главный посредник Ирана в переговорах по ядерным вопросам С. Джалили и спикер иранского Парламента Али Лариджани.

В сентябре 2009 г. Иран с официальным визитом посетил Т. А. Давутоглу, занимавший тогда пост министра иностранных дел Турции. Это был первый визит такого уровня после формирования в Иране нового правительства¹².

Давутоглу охарактеризовал Иран как «соседа, друга и партнера», подчеркивая, что это партнерство имеет большой экономический потенциал.

На пресс-конференции турецкий министр заявил, что Турция и Иран придают большое значение проблеме безопасности региона, и приветствовал налаживание отношений между спецслужбами двух стран, что в первую очередь должно содействовать борьбе с терроризмом.

Давая оценку двусторонним торгово-экономическим отношениям, Давутоглу отметил, что обе страны ставят своей целью довести объем совместного товарооборота до 20 млрд долларов (на 2009 г. он уже составлял 11 млрд). Он также заявил, что «Турция придает большое значение тому, чтобы энергетические ресурсы Ирана заняли свое место в глобальных энергетических потоках и превратились в составную часть наиболее важных энергетических мостов между Европой и Азией»¹³.

Говоря об иранской ядерной программе, он заявил, что «турецкая позиция очевидна – турецкая сторона считает, что этот вопрос должен решаться

дипломатическими методами на основе взаимного уважения. В этой связи Турция готова способствовать предотвращению введения новых санкций против Ирана и отмене уже действующих».

Выступивший на пресс-конференции министр иностранных дел Ирана М. Мотаки особо отметил важность сотрудничества двух стран в борьбе с такими террористическими организациями как Рабочая партия Курдистана (в Турции) и Партия свободной жизни Курдистана (в Иране), По его словам, «решимость Ирана и Турции бороться с радикализмом и терроризмом дала важные результаты за последние годы». Он охарактеризовал Турцию как одну из наиболее важных альтернативных стран в транспортировке энергетических ресурсов в Европу. Мотаки заявил, что «нынешний уровень двусторонних отношений Ирана и Турции имеет потенциал стратегического сотрудничества»¹⁴.

В 2010 г. важным вопросом в отношениях Анкары и Тегерана продолжала оставаться иранская ядерная программа, по которой Турция на протяжении всего времени придерживалась неизменных взглядов. В основе турецкой позиции лежал принцип урегулирования проблемы дипломатическим путем, который регулярно озвучивался представителями высшего турецкого руководства с акцентом на исключение силового варианта.

Анкара, выступая за безъядерный Ближний Восток, признавала право Ирана на развитие мирной атомной энергетики и одновременно призывала иранское руководство не отказываться от конструктивного диалога со странами Запада.

Важная попытка урегулирования иранской проблемы была предпринята в мае 2010 г., когда главы МИД Ирана, Турции и Бразилии подписали трехстороннее соглашение в Тегеране. Документ предполагал обмен на территории Турции низкообогащенного иранского урана на высокообогащенный. Договоривались о передаче на хранение в Турцию 1200 кг низкообогащенного (до 3,5%) урана и получение Ираном в течение года 120 кг высокообогащенного (до 20%) топлива, необходимого для тегеранского исследовательского реактора¹⁵.

Однако реальное развитие событий показало, что подписание Тегеранской трехсторонней декларации принесло лишь два результата, не продвинувших решение самой проблемы в принципиальном плане. Иран выиграл время, так как документ появился, когда обсуждался вопрос о новых санкциях в отношении Ирана, а Турция укрепила свой миротворческий имидж при решении острой глобальной проблемы.

Турция, пользуясь своим положением временного члена Совета Безопасности ООН, проголосовала в июне 2010 г. против введения международных санкций в отношении Ирана, которые уже были согласованы со всеми членами Совбеза, включая Россию и КНР¹⁶. Поданный Турцией голос «против» по большому счету ничего не решал, но он сыграл позитивную роль для укрепления отношений с Тегераном.

Вместе с тем чувствительным ударом по турецко-иранским отношениям стало согласие Анкары разместить на своей территории радарную систему раннего предупреждения «Patriot». И хотя из натовских документов по требованию Турции было изъято упоминание об Иране, все, по мнению заместителя генерального председателя Народно-республиканской партии Ф. Логоглу, понимали, что радар в Турции направлен в первую очередь против Ирана¹⁷.

Тегеран выразил Анкаре свою обеспокоенность. Официальный представитель МИД Ирана заявил, что размещение радара может вызвать противоречия в регионе, а президент Ирана М. Ахмадинежад отменил запланированный визит в Турцию¹⁸.

События «арабской весны», начавшейся в 2011 году, привели к серьезным изменениям статус-кво на Ближнем Востоке, который стал объектом конкуренции между Турцией и Ираном. Иран в первые месяцы «арабской весны» рассматривал народные выступления как «исламское пробуждение» и поддерживал происходящие события. Однако, когда волнения начались в Сирии, иранское руководство начало демонстрировать другую позицию, поскольку возможная смена сирийского режима, поддерживающего Иран, могла бы создать угрозу геополитическим интересам Тегерана. По этой причине, когда «Арабская весна» затронула Сирию, Тегеран занял прямо противоположную позицию. Духовный лидер исламской революции аятолла А. Хаменеи заявил, что ««арабская весна» организована США, Израилем и арабскими странами и поскольку она служит интересам США и Израиля. Иран будет на стороне сирийского режима»¹⁹. С целью сохранения стратегического партнера – сирийского режима – Иран начал оказывать ему поддержку. Таким образом, влияние «арабской весны» на Сирию отразилось и на турецко-иранских отношениях, поскольку Турция, начав с критики сирийского руководства, поддержала антиправительственные силы, сделав ставку на смену режима в Дамаске.

Помимо этого один из аспектов турецко-иранского соперничества связан с вовлечением Анкары в региональное противостояние суннитов и шиитов. Сознвая серьезную опасность подобного противостояния для двусторонних отношений, руководство Ирана и Турции пыталось опровергнуть утверждение о наличии конфессиональной подоплеки в разногласиях двух стран. Министр иностранных дел Ирана А. Салехи отмечал некорректность употребления таких понятий как «иранский ислам» или «турецкий ислам», поскольку ислам один. А противоположные утверждения, по словам министра, призваны накалить атмосферу в турецко-иранских отношениях. Министр иностранных дел Турции А. Давутоглу также подчеркивал, что турецко-иранские отношения не являются противостоянием суннитов и шиитов, и что между Турцией и Ираном не ведется скрытой борьбы»²⁰.

Вместе с тем, «конфессиональный фактор» в турецко-иранских отношениях проявляется не только на сирийском направлении, но и на иракском. Тегеран укрепил свои позиции в Ираке после того, как арабы-шииты сменили

арабов-суннитов на ключевых постах в Ираке. А солидарность Тегерана и Багдада в отношении событий в Сирии придала дополнительный импульс стремлению Анкары сбалансировать рост иранского влияния в Ираке.

Известное потепление в турецко-иранских отношениях и развитие двустороннего сотрудничества наблюдается после прихода к власти нового иранского президента Хасана Роухани в августе 2013 г. Бывший в то время министром иностранных дел Турции Давутоглу посетил Тегеран для участия в церемонии принятия присяги новым президентом, а в январе 2014 г. состоялся визит в Иран премьер-министра Турции Эрдогана. Турецкие СМИ характеризовали этот визит как «благоприятную возможность преодолеть напряженность, наблюдавшуюся в турецко-иранских отношениях на протяжении последних двух лет»²¹. В ходе визита было подписано Предпочтительное турецко-иранское торговое соглашение о торговом сотрудничестве, переговоры о котором велись на протяжении 10 лет. Соглашение дает льготы в торговле экспортируемых Турцией из Ирана продукции сельского хозяйства, и в экспорте Ирана из Турции промышленных товаров и предусматривает необходимый механизм регулирования в данной сфере. Эрдоган охарактеризовал Иран «как мой второй дом» и выразил надежду на то, что товарооборот между странами к 2015 г. составит 30 млрд долл.²² В свою очередь визит иранского президента Х. Роухани в Турцию в июне 2014 г. турецкий президент А. Гюль охарактеризовал как «начало новой эры в двусторонних турецко-иранских отношениях»²³.

Визит президента Хасана Роухани стал первым за последние 18 лет визитом главы иранского государства в Анкару. Кроме того, Роухани известен как руководитель-реформатор. Экспертов интересовал вопрос, на какой уровень он сумеет поднять отношения с Турцией. Переговоры показали, что государства намерены расширять связи. Наряду с этим они по-разному относятся к геополитическим процессам, протекающим в регионе. И вставал вопрос о том, как выйдут из этой ситуации Анкара и Тегеран ради стратегического партнерства.

В результате переговоров Роухани в Анкаре стороны договорились о создании механизма Совета стратегического сотрудничества высшего уровня. Всего было подписано 10 документов. Соглашения в основном охватывают сферы экономики, энергетики, туризма, экологии, и в этих направлениях было решено продолжить сотрудничество.

Таким образом очевидно, что Турция и Иран заинтересованы в углублении сотрудничества в экономической и энергетической сферах. Это выгодно обеим странам. Иран пытается компенсировать ущерб, причиненный санкциями Запада. На тот период возможности Тегерана несколько расширились – Вашингтон при Б. Обаме выразил заинтересованность в налаживании отношений с ним. Х. Роухани сумел убедить политиков в искренности своих намерений в зарубежных визитах и смог поднять Иран в отношениях с Западом на новый уровень.

Аспект глобальной геополитики и региональных интересов в турецко-иранских отношениях представляет наибольший интерес. Здесь имелось несколько факторов, создающих трудности на пути сотрудничества Ирана и Турции. Прежде всего, нужно отметить сирийский и египетский вопросы. Президент Ирана в Анкаре открыто заявил, что поздравил Башара Асада с победой на выборах 2014 г. Турция же вместе с США и Европой не признали выборы в Сирии. Это показывало, что между Анкарой и Тегераном имелись серьезные разногласия по поводу геополитического будущего Ближнего Востока.

Примерно такая же ситуация наблюдается и в связи с Египтом. Генерал Абдель-Фаттах ас-Сиси не приглашал представителей Турции на церемонию инаугурации. А с Ираном у него сложились близкие отношения. Ряд экспертов считают, что поддержка Тегераном ас-Сиси и сближение его с Западом раскололи «лагерь суннитов»²⁴. Это фактически означает противостояние геополитическим интересам Анкары.

Наконец, актуальным для обеих стран вопросом является террор и сепаратизм. В Анкаре в этом вопросе достигнута договоренность о сотрудничестве. Здесь отмечалась необходимость совместных действий в борьбе со всеми формами террора. Так, Иран и Турция должны совместно бороться против РПК. Наряду с этим, Турция должна предотвращать действия террористических группировок, беспокоящих Иран. Обоим государствам угрожают ваххабизм и салафизм²⁵.

Очевидно, определенные круги на Ближнем Востоке уже выразили свое негативное отношение к турецко-иранскому сближению. Не исключается, что они связаны с Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами. В любом случае ясно, что некоторые силы продолжают действовать в направлении обострения противостояния в регионе. В этом плане следует признать, что есть вероятность продолжения попыток препятствовать развитию отношений между Ираном и Турцией²⁶.

Все это показывает, что визит Хасана Роухани в Анкару – событие историческое в подлинном смысле этого слова. Главы двух мусульманских стран признают существование потребности в сотрудничестве на высоком уровне.

Доктор Маджид Рафизаре, ученый Гарвардского университета, специалист по внешней политике Ирана и иранец по происхождению, следующим образом рассматривает место Турции в политике Ирана. «Когда встает вопрос о геополитике и балансе сил в регионе иранские лидеры не позиционируют арабские страны Персидского залива как союзников, а скорее как конкурентов и соперников. И это одна из главных причин, которая заставляет иранских лидеров рассматривать Турцию в качестве главного и ключевого стратегического, геополитического и экономического союзника в регионе»²⁷.

Затем, указывает американский исследователь, иранские лидеры смогли избежать американских и международных санкций, торгуя с Турцией.

Другими словами, турецкий рынок – решающая платформа для иранской экономики и иранских фирм, экспортирующих тысячи продуктов в Турцию.

И, наконец, поскольку Турция является членом НАТО, Иран нуждается в сотрудничестве с ней, чтобы посылать на Запад заслуживающие доверия, конструктивные сигналы. Повестка внешней политики Роухани «предусмотрительности и умеренности» ставит своей целью ослабить изоляцию Ирана на глобальном уровне. «И, наконец, и Иран, и Турция рассматривают курдские общины вблизи их границ как многозначительную оппозицию их консолидированной силе»²⁸. М. Рафизаде в связи с этим делает вывод о том, что Турция и ИРИ «в свете общих геополитических, экономических, стратегических целей и интересов нуждаются в совместном сотрудничестве более, чем когда-либо. И хотя наблюдаются некоторые в первую очередь серьезные трения и разногласия по вопросам сирийского кризиса и Египта, Турция и Иран имеют больше общих целей, которые их объединяют»²⁹.

Вместе с тем, по мнению эксперта турецкого Института стратегических исследований Дж. Ташкента, помимо расхождений двух стран по ряду региональных проблем, между Турцией и Ираном, стремящимися стать важными акторами в регионе, идет борьба за лидерство. Здесь Иран осуществляет подобное соперничество за счет религиозных и конфессиональных инструментов, а Турция – за счет дипломатии и мягкой силы³⁰. Турецкий эксперт указывает, что «несмотря на это, обе стороны, отодвигая соперничество и расхождения во взглядах на второй план, предпочитают сосредотачиваться на общих интересах и сотрудничестве»³¹.

2 апреля 2015 г. в Лозанне завершились переговоры по ядерной программе Ирана. «Шестерка» и Иран достигли договоренности по основным пунктам программы. «Сегодня мы совершили решающий шаг. Мы достигли договоренности по ключевым параметрам всеобъемлющего соглашения, – подчеркнула верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Федерика Могерини. – Политическая решимость, добрая воля и напряженный труд сделали это возможным»³².

Турецкая газета «Миллиет» подчеркивала, что достижение подобного соглашения в формате взаимной выгоды – «Важный успех дипломатии». Собственно, если бы не были сделаны взаимные уступки и не было бы намерения к примирению, такое «рамочное соглашение» не было бы достигнуто³³.

Однако есть и те, кто продолжает не доверять Ирану и поэтому считают соглашение недостаточным. В первую очередь это Израиль. Саудовская Аравия и страны Персидского залива также «холодно» смотрят на соглашение. Подобные сомнения и недоверие присутствует и в американском конгрессе³⁴. Можно утверждать, что достижение договоренности по иранской ядерной программе стало одной из причин начала войны в Йемене.

26 марта 2015 г. Саудовская Аравия объявила о начале международной военной операции в Йемене против шиитской военизированной группировки хоуситов, которая захватила власть в республике. По позициям повстанцев 26

и 27 марта были нанесены авиаудары. В операции принимали участие Объединенные Арабские эмираты, Бахрейн, Катар, Кувейт, Иордания, Марокко, Египет, Северный Судан. Представители Саудовской Аравии заявили, что действуют по просьбе бежавшего экс-президента Йемена М. Хади. В качестве же цели операции называется «борьба с международным терроризмом» и «восстановление легитимной власти в республике»³⁵.

Момент для начала войны выбран не случайно. Иран стоял на пороге закрытия своего ядерного досье и есть вероятность успешного завершения переговоров с «шестеркой». Иранские соперники в регионе поняли, что конфронтация Тегерана с Западом может скоро закончиться. В реальную опасность приобретения Ираном ядерной бомбы мало кто верил, иранскую угрозу измеряли не количеством центрифуг, а числом стран, где у Тегерана имеется сильное влияние. Дипломатическое решение иранской ядерной проблемы меняет всю геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. А Йемен – далеко не периферийное звено в региональной безопасности.

Страна расположена с одной стороны вдоль главного морского пути из Европы в Азию, с другой – рядом с торговыми путями Красного моря. В обоих направлениях ежедневно провозят миллионы баррелей нефти: через Суэцкий канал в Средиземное море и из саудовских нефтеперерабатывающих заводов – на азиатские рынки. Пролив Баб-эль-Мандеб – одно из тех мест, которое правительство США занесло в список семи стратегических узких мест мировой танкерной транспортировки нефти. У Ирана географически уже есть контроль над Ормузским проливом, имеющим не менее важное стратегическое значение. Претензии на создание в Йемене государства во главе с шиитским руководством рассматриваются во многом с позиций энергетической безопасности Запада. Тот, кто будет контролировать Йемен, сможет закрыть путь танкерам из Персидского залива в Суэцкий канал, оставив Европу без нефти³⁶.

Анкара поддержала начавшуюся военную операцию коалиции в Йемене и выразила готовность оказать ей логистическую поддержку. В свою очередь Иран расценил воздушные удары по Йемену как «военную агрессию, которая лишь усугубит кризис в стране»³⁷.

26 марта 2015 г. Эрдоган заявил: «Иран просто пытается доминировать в регионе, и подобная ситуация начинает нас и страны Залива беспокоить, невозможно это перенести». Он также предостерег Иран от вмешательства в дела Сирии, Йемена и Ирака³⁸. Министр иностранных дел Ирана Д. Зариф дал ответ на эти заявления в более мягкой форме, указав, что «в существующей ситуации все страны должны приложить усилия, чтобы обеспечить стабильность в регионе и воспрепятствовать недоверию». А иранский МИД после высказываний Эрдогана, критикующих региональную политику Ирана, вручил представителю Турции в Тегеране ноту³⁹. 65 иранских парламентариев обратились с письмом на имя президента ИРИ с требованием «предупредить» Эрдогана, и чтобы он принес официальные извинения⁴⁰. Эрдоган заявил,

что иранские парламентарии по статусу не являются лицами, равными главе государства, а значит, не могут повлиять на его визит в Тегеран.

Таким образом, несмотря на создавшуюся напряженность в отношениях, президент Турции Р. Эрдоган побывал в Иране с однодневным официальным визитом (7 апреля 2015 г.). Он стал первым зарубежным лидером, посетившим эту страну после прорыва на переговорах по иранской ядерной программе. Очевидно, что потенциальный вывод Тегерана из международной изоляции и снятие с него санкций могут поменять геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. Тегеран и Анкару очень интересовало развитие энергетической и торговой составляющих⁴¹.

Примечательно, что за несколько часов до вылета с официальным визитом в Тегеран, Эрдоган встретился с министром иностранных дел Саудовской Аравии принцем Мухаммедом ибн Наиф-аль-Саудом. Встреча длилась 1 час 40 минут. О других деталях встречи не сообщается. Однако очевидно, что эту встречу следует рассматривать в контексте политического баланса между двумя региональными державами – Ираном и Саудовской Аравией. После столь сложных обстоятельств, предшествовавших визиту Эрдогана, он и президент Ирана Х. Роухани прошли рука об руку по красной дорожке, и в результате переговоров оба президента, выступая на совместной пресс-конференции, заявили, что достигли совместных точек зрения.

В целом, можно утверждать, что между президентами Турции и Ирана достигнуто соглашение о совместных действиях для обеспечения стабильности в Йемене. По мнению духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи, чтобы разрешить кризис в Йемене нужно остановить внешнее вмешательство и позволить народу Йемена самому определять свою судьбу⁴².

Политическую составляющую итогов визита в Тегеран Эрдоган изложил в интервью турецкому журналисту. Он указал, что в Иране было проведено второе совещание Совета сотрудничества высшего уровня, во время встреч с Роухани были обсуждены вопросы Ирана, Сирии, Палестины, Египта, Йемена, Ливии и рассмотрены проблемы стоимости энергоносителей.

Эрдоган подчеркнул, что страны, которые смогут сыграть активную роль в регионе – это Турция, Саудовская Аравия и Иран. «Мы хотим сделать некоторые шаги, но в первую очередь нам необходимо создать условия для договоренности групп в Йемене. Усилия трех стран в поисках решения дипломатическими путями – имеет большое значение»⁴³.

На вопрос журналистов относительно того, что имеются некоторые критические замечания по поводу того, что Турция проводит определенные конфессиональные различия, Эрдоган заявил следующее: «Абсолютно невозможно, чтобы мы применяли выражение «конфессиональные различия». Для нас определяющим является не конфессионализм, а ислам. ...Однако в настоящее время исламский мир перед угрозой раскола. И это надо остановить»⁴⁴.

Как справедливо указывает турецкий эксперт по вопросам Ближнего Востока А. Семин (Центр стратегических исследований BILGESAM), в настоящее время Ближний Восток, к сожалению, разделился на два блока – шиитский и суннитский. И это серьезная проблема, которая может привести к поляризации региона. Визит президента Эрдогана в Иран, и его предшествующий визит в Саудовскую Аравию показывает, что в региональном плане Турция вынуждена проводить сбалансированную политику. Так, Турция оказала поддержку коалиции, созданной Саудовской Аравией, однако в самой коалиции она не играет активной роли. Поэтому заключает эксперт, Турции следует выстраивать хорошие отношения как с Ираном, так и странами Залива⁴⁵.

В последние годы очевидна тенденция сближения Турции и Ирана. Среди факторов сближения есть как долговременные, так и кратковременные, и они изменяют баланс сил в борьбе за лидерство в регионе. Одним из основных факторов, оказывающих важное воздействие на позиции двух стран, стали события в Сирии. Отдельное место в сирийской политической тематике занимает новое и уникальное по целям и составу явление – Астанинский процесс.

Идея встречи в трехстороннем формате в целях поиска путей урегулирования ситуации в Сирии была озвучена Россией в конце 2016 г. Российскую инициативу поддержали страны активным образом вовлеченные в сирийский конфликт, как Иран и Сирия.

Анкара в начале вооруженного противостояния в Сирии поддержала оппозиционные силы в частности «Свободную сирийскую армию» и выступила за скорейший уход Б. Асада с поста президента страны. В августе 2016 г. она начала военную операцию на севере Сирии «Щит Евфрата» (завершена в марте 2017 г.), имея целью очистить турецкие границы от военизированных группировок, в том числе от действующих в регионе курдских отрядов народной самообороны (YPG), содействовать поддержанию территориальной целостности Сирии, а также препятствовать миграционным потокам из Сирии.

В свою очередь Тегеран занял сторону официальных сирийских властей, предоставив им военную и финансовую помощь. Так на стороне правительственных сил воюют отряды Корпуса стражей исламской революции и подконтрольные Тегерану подразделения шиитской организации «Хезболла», базирующейся в Ливане.

В декабре 2016 г. в Москве на уровне министров иностранных дел и обороны России, Турции и Ирана состоялась первая встреча в трехстороннем формате. На основе достигнутых договоренностей представителям трех стран удалось согласовать введение режима прекращения огня (вступил в силу 30 декабря 2016 г.), который распространяется на сирийские правительственные войска и все вооруженные группировки за исключением запрещенных в РФ Исламского государства (ИГИЛ) и «Джебхат ан-Нусра».

В 2017 г. представители трех стран инициировали процесс мирных переговоров в Астане, к которым были привлечены правительство Сирии и делегация сирийской оппозиции. Так начался Астанинский процесс, который придавал, в том числе новый импульс турецко-иранским отношениям.

Министры иностранных дел Турции и Ирана, несмотря на различия, которые имелись между их странами, незадолго до встречи в Астане заявили, что готовы быть открытыми к диалогу и пойдут на большее сотрудничество в разрешении сирийского кризиса. Иранский министр иностранных дел Д. Зариф заявил, что «Иран готов сотрудничать и работать с Россией и Турцией по сирийскому вопросу и подчеркнул удовлетворенность по поводу вновь начавшегося процесса между Москвой и Анкарой»⁴⁶.

Астанинский процесс продолжился в формате целой серии международных встреч по сирийскому урегулированию. Новым этапом на пути трехстороннего взаимодействия стал меморандум о создании зон деэскалации. Россия, Турция и Иран выступали гарантами прекращения военных действий в Сирии. 22 ноября 2017 г. в Сочи прошла встреча президентов России, Ирана и Турции. По окончании переговоров Владимир Путин подчеркнул особую роль Ирана и Турции в разрешении сирийского конфликта, отметив, что позиция Эрдогана и Роухани позволила прекратить боевые действия и создать «зоны деэскалации». Благодаря усилиям трех стран удалось предотвратить распад Сирии, её захвата международными террористами, избежать гуманитарной катастрофы⁴⁷. В согласованном по итогам встречи совместном заявлении главы государств «подтвердили свою твердую приверженность суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики»⁴⁸.

В ходе визита в 1 ноября 2017 г. президента России В. Путина в Тегеран президент Ирана Х. Роухани, говоря о значении российско-иранского взаимодействия в сирийском кризисе, счел нужным особо отметить расширение данного формата с привлечением Турции. «Нам очень приятно, что помимо двусторонних отношений наши страны играют важную роль в заключение мира и стабильности в регионе. И одним из последствий развития взаимоотношений стал разгром одной из опаснейших группировок террористов. Развитие трехстороннего сотрудничества в формате Россия – Иран – Турция свидетельствует о том, что в Сирии идет процесс к возвращению мира и стабильности в стране», – подчеркнул иранский президент⁴⁹.

«Астанинский процесс является самым успешным в вопросе урегулирования конфликта в Сирии, и все три стороны договора – Россия, Иран и Турция будут продолжать взаимодействие в рамках этого процесса» – такое заявление сделал президент Турции Т. Эрдоган на встрече с коллегами из России и Ирана В. Путиным и Х. Роухани 14 февраля 2019 года в Сочи на четвертой трехсторонней встрече глав государств – гарантов астанинского процесса. «Мы сделали большой шаг для продолжения политического процесса в Сирии и установления там перемирия. Нам удалось сохранить

принципы Астаны, несмотря на провокации. Путем диалога нам удалось преодолеть многие барьеры», – сказал турецкий лидер⁵⁰.

«Как соседи Сирии, мы готовы сделать все, что в наших силах, для мира в этой стране. Сирийский народ от нас ждет радостную весть о достижении «политического урегулирования»», – заявил глава Турции⁵¹.

Говоря непосредственно о турецко-иранских отношениях, можно утверждать, что сближению двух стран способствовали события в регионе после 2015 г. Важную роль в потеплении этих отношений стала поддержка Тегераном турецкого президента Р. Т. Эрдогана во время неудавшейся попытки государственного переворота в июле 2016 года. Глава МИД Ирана М. Зариф не спал всю ночь и звонил своему турецкому коллеге пять раз, чтобы выразить поддержку Тегерана турецким властям. И это в еще большей степени поспособствовало укреплению личных связей между лидерами двух стран⁵².

Что касается общих интересов, которые относительно недавно проявились в турецко-иранских отношениях – это осознание неуверенности относительно американской политики в регионе и политических амбиций курдов. Иран обеспокоен вопросом – смогут ли США переключить свою региональную политику с ИГИЛ на Иран в ближайшем будущем. Турция, с другой стороны, озабочена тем, что не может рассчитывать на продолжительность помощи США курдам в Сирии и окончания американо-курдского партнерства.

Перспективы курдского образования в Ираке и курдской автономии в Сирии, являются, по мнению представителя издания Аль-Джазира Г. Далая (Galip Dalay), вызывают постоянные опасения Турции и Ирана⁵³.

Появление сирийско-курдского блока, возглавляемого Партией демократический союз (ПДС PYD) и военизированного крыла этой партии, которое носит название Отрядов народной самообороны (ОНС YPG) подтолкнуло Турцию к тому, чтобы переосмыслить свою сирийскую политику.

Дело в том, что сотрудничество между США и PYD возникло в период военной осады, которой ИГИЛ подвергло сирийско-курдский город – Кобани с сентября 2014 г. до февраля 2015 г. Это привело к созданию при поддержке США многонационального альянса «Сирийские демократические силы» (СВС) костяк которого составило военное крыло PYD – Отряды народной самообороны (YPG). Турция рассматривает это формирование как филиал Рабочей партии Курдистана (РПК), которая получает военную помощь и поддержку США, и свою национальную угрозу⁵⁴. Поддержка РПК Соединенными Штатами стала тем фактором, который побуждает Турцию стремиться к более тесным связям с Ираном и Россией.

Общие интересы Турции и Ирана были продемонстрированы в период кризиса в Персидском заливе, когда в июне 2017 г. Саудовская Аравия, ОАЭ и Египет разорвали связи с Катаром и ввели экономическую блокаду этой страны. Катарский кризис поставил Турцию и Иран на одну сторону. Обе страны рассматривали кризис как нечто большее, чем просто дипломатическое противостояние. Они рассматривали это как часть более широкого

проекта, возглавляемого Саудовской Аравией блока, направлены на то, чтобы изменить региональный порядок в свою пользу, исключив Турцию и Иран⁵⁵.

Турция, у которой имеется в Катаре военная база после введения блокады, развернула здесь дополнительное подразделение. Анкара вместе с Тегераном пошла на осуществление воздушных поставок продовольствия и других товаров в осажденное государство, благодаря чему организованная саудовской коалицией блокада потеряла всякий смысл⁵⁶. Кроме того, как подчеркивает турецкий аналитик Фади Фарисин, частые вспышки напряженности и кризисов между Турцией и Европой, а также между Турцией и США, сблизили Турцию с Ираном и Россией. «Сегодня Турции легче работать с Ираном и Россией, чем с западными союзниками. Это справедливо даже для такой области, как Сирия, где интересы Турции подчас сталкиваются с интересами Ирана и России». По мнению Фарисина, способность Турции работать с Ираном «положила конец напряженности между двумя странами»⁵⁷.

Вопросы взаимодействия двух стран рассматривались в ходе правительственных визитов. Так иранский министр иностранных дел М. Джавад Зариф посетил Турцию в июле 2017 г. Целью визита стало «установление диалога по двусторонним отношениям, региональным вопросам, в первую очередь по сирийской проблеме, а также рассмотрению других проблем, таких, как дипломатический кризис в Катаре и гражданская война в Йемене»⁵⁸.

Осенью 2017 г. впервые в истории турецко-иранских отношений состоялся обмен визитами начальников Генштабов двух стран. Начальник Генштаба Турции Х. Аккар на встрече со своим иранским коллегой М. Бакири в Тегеране заявил о начале нового этапа в турецко-иранских отношениях. По словам турецкого генерала, Анкара не признает никаких изменений границ Сирии и Ирака, а также итогов референдума иракских курдов. Было объявлено о намерении двух стран проводить совместные учения, сотрудничать по вопросам военного образования и безопасности границ⁵⁹.

Министр обороны Ирана Э. Хатем, с которым также встречался Х. Аккар, подчеркнул, что «западные силы разрабатывают новые сценарии, которые можно будет применить в регионе после ухода ИГИЛ, но Иран и Турция как два самых важных и влиятельных государства Ближнего Востока, не позволят этим сценариям реализоваться»⁶⁰.

4 октября 2017 г. президент Турции Р. Т. Эрдоган совершил визит в Тегеран для обсуждения двусторонних отношений, а также международных и региональных проблем. Лидеры Турции и Ирана приняли участие в четвертом заседании Совета сотрудничества высшего уровня двух стран.

В августе 2017 г., когда дипломаты Ирана и Турции приступали к окончательному согласованию деталей и повестки визита Эрдогана в Тегеран, предполагалось, что главным вопросом повестки встреч турецкого лидера в Иране станет деэскалация сирийского конфликта, в котором, как известно, две страны, хоть и находились по разные стороны баррикад но, тем не менее,

сумели прийти к соглашению. Пусть даже, по сути, оно и означало фактический раздел Сирии на зоны влияния.

Референдум о независимости, прошедший 25 сентября в Курдской региональной автономии Ирака (КРАИ), в одночасье сделал уже подготовленные документы неактуальными. Анкара и Тегеран столкнулись с новым вызовом в регионе, перед которым прежние разногласия стали выглядеть совершенно несущественными. Повестку дня пришлось срочно перекраивать. Главным пунктом в ней становился теперь не сирийский, а курдский вопрос.

Именно для его обсуждения утром 4 октября в Тегеран прибыла делегация Турции, которую возглавлял президент Эрдоган. А важность его визита подчеркивал список сопровождающих: начальник Генштаба генерал Хулуси Акар (который вернулся из Ирана всего два дня назад), глава МИД Мевлют Чавушоглу, министр экономики Нихат Зейбекчи, министр энергетики и природных ресурсов Берат Албайрак, министр таможи и торговли Бюлент Тюфенкчи, глава МВД Сулейман Сойлу, министр культуры и туризма Нуман Куртулмуш, министр национальной обороны Нуреттин Джаникли, глава Национальной разведывательной организации Хакан Фидан и турецкий посол в Тегеране Рыза Хакан Текин.

Уже только анализ состава турецкой делегации давал основания предполагать, что закончится он принятием не менее серьезных решений. Что, собственно, и произошло. За три дня до посещения Тегерана Эрдоган сообщил депутатам турецкого парламента, что рассчитывает заключить с Ираном соглашение о совместных мерах по реагированию на прошедший в КРАИ референдум. И эта задача была выполнена им в ходе визита на все сто процентов. Совпадение своих позиций в отношении итогов 25 сентября стороны наглядно продемонстрировали в итоговых заявлениях для прессы. «Мы хотим безопасности и стабильности на Ближнем Востоке... референдум о независимости в Курдистане в Ираке является сектантским заговором зарубежных стран и ни при каких обстоятельствах не будет признан Тегераном и Анкарой», — заявил Роухани на совместной пресс-конференции с Эрдоганом.

«Чего пытается добиться Курдская региональная администрация Ирака (КРАИ), проводя референдум? Ни одна страна мира, за исключением Израиля, не признает КРАИ. Решение, принятое по итогам обсуждений с «Моссадом», не может, и не будет считаться законным», — поддержал своего иранского коллегу Эрдоган. — Решимость Ирана и Турции в этом вопросе ясна. Анкара и Тегеран будут вести диалог лишь с центральным правительством Ирака, а референдум на севере Ирака является нелегитимным»⁶¹.

Сказанное на итоговой пресс-конференции, конечно, звучит несколько декларативно. Но проблема для Эрбиля заключается в том, что за этими декларациями вполне конкретные договоренности, которых Эрдоган сначала достиг с Хасаном Роухани, а чуть позже согласовал и с Верховным лидером Ирана Али Хаменеи.

Речь идет, в первую очередь, об экономических санкциях, которые Анкара и Тегеран намерены ввести в отношении КРАИ. На первом этапе речь идет о сокращении экономических и финансовых связей, прекращении всех видов военного сотрудничества и введении ограничений на перемещение из Иракского Курдистана по погранпереходам Ирана и Турции. До недавнего времени Эрбиль можно было посетить, даже не имея иракской визы – сейчас это становится невозможным. «Все важные вопросы – только через центральное правительство в Багдаде», – такова позиция иранского и турецкого президента, которую они согласовали.

При этом, что немаловажно, ни Тегеран, ни Анкара не намерены загонять Эрбиль в глухую изоляцию, оставляя Барзани и руководству КРАИ коридор для маневра.

Если руководство Курдской автономии согласится притормозить процесс обретения независимости, то Иран и Турция готовы не только снять ограничения в отношении Эрбиля, но стать посредниками в его диалоге с Багдадом. Экономические ограничения в отношении какой-либо страны и региона – всегда палка о двух концах, поскольку потери несет не только тот, на кого эти ограничения накладываются, но и тот, кто их накладывает. Эрбиль для Анкары – это не только источник внезапно возникшей головной боли, но и достаточно емкий рынок для турецкого бизнеса. А главное – один из основных поставщиков нефти и газа из Эрбиля. И здесь сторонам тоже удалось договориться – Тегеран взял на себя обязательства поставить Турции дополнительные объемы нефти и газа.

Несколько особняком стоят договоренности, которые были достигнуты силовыми структурами двух стран о тесной координации действий в вопросах борьбы с терроризмом. Причем – не только курдских экстремистских организаций.

Сценарий военного давления на руководство КРАИ в ходе визита Эрдогана даже не рассматривался. Но обе стороны дали достаточно четко понять, что в вопросе Иракского Курдистана на экономическом, политическом и дипломатическом фронте намерены действовать сообща, отложив в сторону разногласия по другим региональным проблемам, поскольку ничто так не способствует развитию партнерства, как наличие общей угрозы⁶².

Таким образом, как подчеркивает турецкий обозреватель А. Каракуш, «общая позиция двух стран по вопросу Северного Ирака поднимает уровень отношений Турции с Ираном, начинается новый период этих отношений»⁶³.

В состоявшихся в Тегеране переговорах Турция попросила у Ирана большей поддержки по вопросу борьбы с РПК. В заключительном коммюнике подчеркивалось, что Иран может сделать определенные шаги в данном направлении⁶⁴.

Безусловно, и Турция и Тегеран пытаются занять лидирующие позиции на Ближнем Востоке. Однако как заявляет турецкий политолог, доцент Университета экономики технологий в Анкаре Тогрул Исмаил, «все, что

происходит в регионе, заставляет Анкару и Тегеран пересмотреть свои отношения и сблизиться по определенным вопросам, особенно таким, как создание так называемого курдского государства и ставка американских властей на курдов»⁶⁵. Значительное влияние на формирование альянса между Анкарой и Тегераном, по мнению эксперта, оказала американская политика. «Это не столько сигнал США, сколько противодействие политике США, — отмечает Исмаил. — Роль в этом России немаловажна. Сближение Турции и России также дало возможность Турции и Ирану найти общий язык»⁶⁶.

8 мая 2017 г. Президент США Д. Трамп объявил о выходе Вашингтона из СВПД (Совместный всеобъемлющий план действий) — сделки, которая была заключена в 2015 г. и ограничивала ядерные разработки Тегерана в обмен на отмену санкций Совета Безопасности ООН и односторонних ограничительных мер США и ЕС. Президент США пообещал не только вернуть прежние санкции, но и ввести новые, а госдепартамент сообщил о намерении свести к нулю доходы Ирана от экспорта нефти. Остальные участники СВПД — Россия, Китай, Франция, Германия и Великобритания не одобрили выход США из соглашения и остались привержены договоренностям⁶⁷.

Турция дала понять, что она не будет следовать диктату США, и подчеркнула, что намерена придерживаться исключительно санкций, введенных ООН. Позицию Турции можно частично объяснить экономической взаимозависимостью двух стран. Президент Турции Эрдоган заявил, что Анкара не считает санкции против Ирана правильным шагом, поскольку они нарушают баланс в мире. Он добавил, что Турция закупает у Ирана ежегодно 10 миллиардов кубометров газа. «Мы не будем соблюдать эти санкции. Мы не можем заморозить наших граждан», — сказал Эрдоган⁶⁸.

Выступая на турецко-иранском бизнес форуме в Анкаре 20 декабря 2018 г., на котором присутствовал также президент Ирана Х. Роухани, Эрдоган указал, что Турция рассчитывает использовать санкции США в отношении Ирана для развития собственных контактов с Тегераном. «Никто не должен считать, что мы положим конец нашему экономическому и торговому сотрудничеству с Ираном из-за санкций, — сказал президент Турции. — Я верю, что нам удастся превратить американские санкции в возможность развития наших отношений (с Ираном)». По итогам переговоров с Роухани Эрдоган вновь отметил, что Анкара не намерена присоединяться к санкциям против Ирана⁶⁹.

Турецкий политолог-журналист Нихат Али Озджан указывает, что «доктрина Трампа», требующая пересмотра всей внешней политики Ирана, в первую очередь отразится на Турции. «Возможная военная конфронтация США и Ирана создаст для Турции проблемы на долгие годы. Те требования, которые США предъявляют Ирану, отразятся на политике Турции в отношении Сирии и Ирака. Основное влияние американо-иранского кризиса скажется на широком веере проблем Турции — от транспорта до туризма, от торговли до энергетики, а также отразится на всей системе безопасности в регионе». И снова, по словам эксперта, на повестку дня встанут вопросы

волны беженцев в Турцию, безопасность границ, контрабанда, радикальный религиозный терроризм и проблема Рабочей партии Курдистана. «Иран, подвергшийся санкциям и переживший интервенцию, окажет негативное воздействие на внутреннее равновесие в Сирии и Ираке. И в результате, претворение в жизнь решений Трампа затронет на годы и Турцию»⁷⁰.

31 января 2019 г. Германия, Франция и Великобритания дали официальный старт работе инструмента взаиморасчетов с Ираном, призванной сохранить торгово-экономические отношения с этой страной и не допустить попадания европейских компаний под антииранские санкции США; инструмент обхода американских санкций получил название INSTEX (Instrument in Support of Trade Exchanges, Инструмент поддержки в торговых операциях).

Президент Турции Эрдоган заявил о готовности Анкары создать механизм для двусторонней торговли с Ираном, наподобие европейского. На встрече с президентом Ирана Х. Роухани в Сочи перед трехсторонним саммитом Россия – Турция – Иран в феврале 2019 г. турецкий президент заявил: «Турция приветствует механизм специального назначения Европы для торгового сотрудничества с Ираном и готова сотрудничать в его рамках, а также создать подобный двусторонний механизм». Президент Ирана на встрече с Эрдоганом также выразил заинтересованность в развитии экономического взаимодействия с Турцией, в том числе в энергетической и промышленной сфере⁷¹.

Администрация Д. Трампа аннулировала отсрочку американских санкций для 8 стран в мае 2019 г., в число которых входила и Турция. И вместе с тем, в телефонном разговоре с иранским президентом в июне 2019 г. Эрдоган вновь подверг критике односторонние американские санкции в отношении Ирана, подчеркнув: «Мы никогда не примем эти жесткие санкции, и мы надеемся на развитие нашей дружбы и сотрудничества с Ираном»⁷².

В ходе телефонного разговора со своим иранским коллегой Х. Роухани Эрдоган высоко оценил значение сотрудничества между Анкарой и Тегераном в различных областях, включая безопасность и торговлю. «Иран и Турция могут играть большую роль в борьбе с терроризмом и развитии региональной стабильности и безопасности путем углубления своего взаимодействия и сотрудничества», – заявил турецкий президент⁷³.

В ответном заявлении иранский президент Роухани подчеркнул, что «развитие отношений и сотрудничества между Ираном и Турцией, двух сильных и эффективных стран в мире ислама, чрезвычайно важно для стабильности и безопасности региона». «Вместе Иран и Турция могут сотрудничать с другими дружественными, братскими странами, чтобы положить конец этому прискорбному процессу и решить проблемы региона и мира ислама в целом». Это заявление Роухани сделал, выражая сожаление по поводу продолжения кровопролития и убийства людей в таких странах, как Судан, Ливия, Йемен и Афганистан. Оба президента обменялись приветствиями по случаю праздника Рамадан⁷⁴.

Таким образом, на отношение иранского руководства к Турции влияет позиция Турции в отношении антииранских санкций США. Позицию Турции можно помимо геополитических измерений объяснить и экономической взаимозависимостью двух стран, двусторонняя торговля между которыми не ограничивается только газом и нефтью, а ее объемы выросли с 9,7 млрд долларов в конце 2016 г. до 11,7 млрд долларов в конце 2017 г. Более того и Тегеран, и Анкара планируют увеличить этот объем со временем до 30 млрд долларов⁷⁵.

До мая 2018 г. Турции за счет иранской нефти обеспечивала более 50% своих потребностей. После заявлений Трампа закупки начали снижаться, но Турция вряд ли прекратит их. В турецком экспорте преобладают промышленные товары, в том числе высокотехнологичные, в чем Иран заинтересован. В 2016 году турецкие инвестиции в Иран достигли 1,22 млрд долларов. В Турции работают три тысячи иранских компаний. Соглашение о преференциальной торговле было подписано еще в 2014 г., т.е. в период действия антииранских санкций. Ведутся переговоры о включении в этот договор ряда товаров, главным образом, продукции нефтехимии, автомобильных запасных частей, изделий из алюминия и стали, одежды, т.е. тех позиций, которые попали под санкции США. 6 октября 2018 г. Иран и Турция подписали три соглашения по садоводству, пчеловодству и ветеринарии⁷⁶. В ходе визита в Тегеран министра транспорта Турции Дж. Турхана и переговоров с его иранским коллегой М. Эслани 29 апреля 2019 г. был подписан меморандум о перспективах сотрудничества и расширения транспортной системы между двумя странами. Турецкий министр заявил, что Турция – ворота для Ирана в Европу, а Иран – ворота для Турции в Азию, особенно в Центральную Азию. Подчеркивая значение исторических и культурных связей двух стран, Турхан указал, что они являются «частью механизма для установления двустороннего и регионального развития в регионе». Эслами в своем заявлении на совместной пресс-конференции указал: «Мы высоко ценим принципиальную позицию Турции в отношении односторонних санкций США в отношении Ирана и внесения США Корпуса исламской революции в список террористических организаций»⁷⁷.

Подытоживая вышесказанное можно утверждать следующее: одним из основных факторов, оказывающих воздействие на Турцию, является сирийский кризис. Участие Ирана в этом кризисе носит и политический, и военный характер. С началом Астанинского процесса позиции Ирана и Турции сблизились, постоянными стали контакты на высшем уровне. Президент Ирана Х. Роухани в феврале 2018 г. в телефонном разговоре со своим турецким коллегой Эрдоганом говорил «о близких позициях двух стран по региональным и международным вопросам и даже о стратегическом партнерстве»⁷⁸.

У двух стран наличествуют общие интересы – Турция заинтересована в иранских энергоресурсах (а находящийся под санкциями Иран – в их сбыте);

Анкара и Тегеран противостоят военно-политической экспансии США в регионе (конечно в разной степени); считают Израиль главным врагом исламского мира; противостоят курдскому сепаратизму. Две страны несколько сблизил катарский, «антисаудовский» кризис. Турция символически, но увеличила гарнизон своей военной базы под Дохой, а в 2018 г. заключила с Ираном и Катаром соглашение о содействии транзиту товаров между тремя странами, обеспечившее поставки турецкой продукции в Катар через иранскую территорию⁷⁹.

Сближение с Ираном – главным внешнеполитическим раздражителем Вашингтона, позволяет Турции демонстрировать своим западным союзникам самостоятельность и способность диверсифицировать внешнеполитические связи.

В то же время турецко-иранские отношения далеко не идеальны: Анкара и Тегеран расходятся в оценке ситуации в САР и во взглядах на будущее страны. Разногласия по вопросам власти в Сирии остаются. Турцию настораживает активное участие КСИР (Корпус стражей исламской революции – элитное иранское военно-политическое формирование) в делах региона, но и Иран достаточно настороженно относится к военным действиям Турции в Сирии. Наиболее отчетливо это звучит в статьях известного иранского аналитика Садеки Малики, отражающего настроения части внешнеполитической элиты. Он считает наиболее целесообразным в настоящее время соблюдать осторожность в отношении Турции, «избегать рискованных шагов, которые только могут усугубить геополитическую обстановку на Ближнем Востоке»⁸⁰.

В целом создается впечатление, что турецко-иранские отношения направлены в настоящее время к тесному сотрудничеству, если не сказать к созданию альянса. Вместе с тем, такая характеристика преждевременна. Тактическое объединение Анкары и Тегерана реально, однако это еще не означает перехода к долгосрочному стратегическому сотрудничеству на Ближнем Востоке, где почти ежедневно рождаются новые кризисные ситуации. И новые кризисы могут снова вызвать расхождения интересов Ирана и Турции. По этой причине в отношениях двух стран скорее всего будет сохраняться стратегия балансирования между общими задачами и целями каждой из сторон, т.е. будет выражена готовность к сотрудничеству там, где интересы двух стран пересекаются.

Литература

1. www.printable.report.276=view.
2. Hürriyet. 22.07.2004.
3. [www.centrasia.ru/news A = 11480119960](http://www.centrasia.ru/news/A=11480119960).
4. Ibid.
5. Global Stratejy enstitüsü. 18.10.2007.
6. Milliyet. 21.11.2007.
7. Hürriyet. 22.11.2007.
8. Milliyet. 26.03.2008.
9. Ibid. 14.02.2008.
10. Turkish Daily News. 28.11.2007.
11. www.turkishweekly.net./news/94789.
12. В июне 2009 г. в Иране прошли выборы, и турецкие официальные лица были среди первых, кто поздравил М. Ахмадинежада после его переизбрания. Как писал директор Бейрутского центра стратегических исследований М. Нуреддин, не осталось ни одной западной страны, которая бы не вмешивалась во внутренние дела Ирана в связи с волнениями, проходившими в стране после выборов. Турция же в отличие от западных стран, продемонстрировала конструктивную позицию невмешательства во внутренние дела Ирана и уважения к результатам официальных выборов (Radikal.28.06.2009).
13. <http://haber.turk.net.EN6/232566/>.
14. Ibid.
15. Турция, Бразилия и Иран смогли решить ядерную проблему Тегерана. [www.iran.ru/rus/news iran = 64737](http://www.iran.ru/rus/news/iran=64737).
16. www.turksam.or.tr/erdogan-iranin-bati-arasinda-araclici-yapiyor/2928.html.
17. Radical. 14.09.11.
18. www.7or.am/ru/news. 17.12.2012.
19. Sinkaya, Bayran "Arap Bahan Süresinde Iran'in Suriye Politikasi", seta Analiz, sayi 53 nisan 2012. S. 10.
20. Свистунова И. А. Турецко-иранские отношения // Турция на пути к региональному лидерству. М.: ИВ РАН, 2015. С. 232.
21. www.dunyabulteni.net/haber-analiz/288462/basbakanin-tahran-ziyareti-baglaminda.
22. www.dunyabulteni.net/haber-analiz/288462/basbakanin-tahran-ziyareti-baglaminda.

23. www.daylysabah.com/politics/2014/06/10/rouhanes-marks-beginning-of-new-era-in-turkey-iran-relations.
24. Hurriyet. 11 июня 2014 г.
25. www.politikaakademisi.org/iran-turkiye-strategik-ortaklik-mevcut-sorunlar.
26. Ibid.
27. www.alarabia.net/en/views/news-middle-east/2014/06/13/what-s-behind-turkey-and-iran-s-strategic-friendship/html.
28. Ibid.
29. Ibid.
30. www.ankarastategi.org/haber-turkiye-iran-iliskilerinin-gerilemen-hatti-suriye-1476.
31. Ibid.
32. Международная реакция на итоги переговоров Ирана и "шестерки". <http://news.mail.ru/politics/21598090>.
33. Milliyet. 04.04.2015.
34. Ibid.
35. Аргументы и факты. 26.03.2015.
36. rusline.ru/opf/2015/3/31/kto-v-amerikanshm-pricele-jemen-ili-iran.
37. Президент Турции прибыл с визитом в Иран 07.04.2015. ria.ru/world/20150407/1057066502/html.
38. www.aljazeera.com/tr/al-jazeera-ozel/erdogan-ruhane-el-ele.
39. www.aljazeera.com/tr/al-jazeera-ozel/erdogan-ruhane-el-ele.
40. Milliyet. 07.04.2015.
41. www.1new.az/authors/editorial/201504130/2522785.html.
42. Politikaakademisi.org/cumhurbaskani-erdogan-iran-ziyaretinin-yansimalari.
43. Milliyet. 09.04.2015.
44. Milliyet. 09.04.2015.
45. <http://tr.sputniknews.com/columnist/20150407/1014871469.html>.
46. Ankasam (Ankara Kriz ve siyaset arastirmalari Merkeri). 4 Mart 2017. <https://ankasam.org/rusya-turkiye-irandan-ortak-suriye-karari-ve-isbirligi>.
47. poanalytics.com/2017/11/27/usiliya-rossii-irana-i-turtsii-v-sirii.
48. Ibid.

49. Россия – Иран; риски и перспективы. Kremlin.ru. <http://interaffairs.ru/news/show.03.11.2017>.
50. Комсомольская правда. 14.02.2019.
51. Ibid.
52. aspsstrategist.org.au/the-regional-factors-brining-turkey-and-iran-together.
53. Aljazeera.com/intepth/opinion/2017/09/turkey-iran-rapprochement/170907101356869.html.
54. Ibid.
55. www.aspistrategist.org.au/the-regional-factors-bringing-turkey-and-iran-together.
56. Ibid.
57. mk-turkey.ru/politics/2017/11/05.turciya-i-iran-vozmozhen-li-soyuz.html.
58. www.us-iran.org/news/2018/8/30/iran-turkey-relations.
59. Свистунова И. А. Турция и сирийский кризис: вызовы и возможности для внешней политики Анкары // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1 (48). С. 91.
60. Там же.
61. Milliyet. 05.10.2017.
62. <https://msk.narzur.ru/erdogan-v-tegerane-razgovor-sereznyy>.
63. Milliyet. 07.10.2017.
64. Ibid.
65. Независимая газета. 12.09.2017.
66. Ibid.
67. Между тем Вашингтон отсрочил на 180 дней введение нефтяных санкций в отношении Греции, Индии, Италии, Турции, Республики Корея, Японии, Китая и Тайваня. Независимая газета. 06.11.2018.
68. <https://ria.ru/20181106>.
69. 20 декабря 2018 г. Турция хочет развивать отношения с Ираном на фоне санкций США. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5937682>.
70. Nihat Ali Özcan Trump, Iran ve Türkiye. Milliyet. 25.05.2018.
71. Турция готова создать торговый механизм для сотрудничества с Ираном. www.ru/20190214/1550863456.html.
72. Daily Sabah Ankara. 10.06.2019.
73. Ibid.
74. Daily Sabah Ankara. 10.06.2019.

75. The regional factors – bringing-turkey-and-iran together. www.aspistrategist.org.au.
76. Современная Турция: тренды развития и значение для России. М., 2019. С. 18.
77. [www.hurriyetdaily.news./com/turkey-iran-to pursue-cooperation-enhance-relations-143032](http://www.hurriyetdaily.news./com/turkey-iran-to-pursue-cooperation-enhance-relations-143032).
78. Dr. Rouhani in a phone call with his Turkish counterpart: Iran-Turkey ties should be promoted to strategic level in all fields. <http://president.ir/en102822>.
79. Международная жизнь. 31.05.2019. <https://interaffairs/ru/news>.
80. Иран и Турция: региональные проблемы и консультации в Тегеране / Pars Today. 8.02.2018. [http://parstoday.com/runews/middle east-i8321918](http://parstoday.com/runews/middle-east-i8321918).